



ARTHUR PHILLIPS

THE KING
AT THE
EDGE
OF THE
WORLD

АРТУР ФИЛЛИПС



КОРОЛЬ
НА КРАЮ
СВЕТА

Перевод с английского Натальи Осояну

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111 (73)
ББК 84(7Сое)
Ф53

Arthur Phillips
THE KING AT THE EDGE OF THE WORLD

This translation published by arrangement
with Random House, an imprint
and division of Penguin Random House LLC

Перевод с английского: *Наталья Осояну*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Copyright © 2020 by Arthur Phillips
All rights reserved
© Наталия Осояну, перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Моим родителям, Энн и Феликсу, с любовью

Мы знаем, что наши враги лгут нам. Но какая разведывательная операция могла бы убедить вас в том, что их заявление — не ложь и не оперативная легенда? Что нет никакого советско-американского отставания в ракетной технике. Что Хусейн не скрывает оружие массового уничтожения. Если отсутствие доказательств не является доказательством отсутствия, то что, черт возьми, вообще может им быть?

Т. Маккредди Хьюз. Жизнь в разведке



Часть первая

МАХМУД ЭЗЗЕДИН, 1591 Г.

В своей переписке с султаном [прося о помощи в борьбе с испанскими католиками] королева [Елизавета I] подтвердила тот факт, что, будучи христианкой-протестанткой, она отвергла идолопоклонничество, которое практиковали папа и испанский король. Ее христианство, как она намекала, было ближе к исламу, чем католицизм... Католики говорили [в Константинополе], что «англиканам не хватает сущего пустяка, чтобы сделаться правоверными мусульманами: достаточно лишь шевельнуть пальцем — и станут они едины с турками по внешнему виду, по религиозным обрядам и во всех характерных особенностях».

Набия Матар. Ислам в Британии,

1558—1685

В начале 1591 года по христианскому летоисчислению визири Мурада Великого^{1*} — третьего османского султана, носящего такое имя, Хранителя Двух Святынь², Халифа Халифов — собрались во Дворце счастья³, что в Константинополе, в стране турок, и отправили посольство в далекое, бессолнечное, отсталое, промозглое, языческое королевство на самом краю цивилизованного мира. Султан назначил послом человека преданного, достойного доверия — пусть и не играющего важной роли при дворе, — и уполномочил его вести переговоры с обитателями этого клочка сырой земли.

Так или иначе, было необходимо послать кого-нибудь, чтобы обсудить торговлю, охранные свидетельства и возвращение на родину несчастных турецких моряков, захваченных пиратскими судами, которые прятались в гаванях этого варварского острова. Пираты процветали под покровительством взбалмошной султанши, ожесточившейся из-за нищеты, слабости, вселяющей страх изоляции и противоестественного статуса незамужней женщины у власти. Она также

* Текст примечаний см. в конце книги.

умоляла османского султана о поддержке в борьбе с врагами, поскольку увязла в кровавой и бесконечной сектантской войне с себе подобными в связи с каким-то непостижимым разногласием по поводу их фальшивой религии. Султан счел, что пришло время отправить компетентного человека на остров англичан, чтобы добиться от королевы уступок.

И вот посол и его свита собрались на край света. Посол — евнух, который родился христианином в Португалии и постиг истину Мухаммеда, в возрасте одиннадцати лет попав в плен — возглавлял небольшую компанию, всего четырнадцать человек: его главный советник, доктор медицины, слуги, писцы, охранники. Он вез для султанши, помимо множества других подарков, пару львов, ятаган, рог единорога и десяток английских пиратов, захваченных турецкими моряками.

Этот последний подарок обеспечил послу и его спутникам торжественную встречу с факелами в Лондоне, возле церкви Святого Лаврентия у Гилдхолла⁴, где толпа горожан таращилась на гостей, пока они извилистым путем направлялись к большому дому, где им предстояло жить пять месяцев до возвращения в Константинополь.

Доктор Махмуд Эзедин, отвечавший в первую очередь за здоровье посла и по остаточному принципу — всех прочих участников посольства, пытался избежать этого путешествия, но о его участии попросили особым образом.

Он обогатился и приобрел репутацию, заполучил расположение и почет, жену и ребенка, дом и безопасность исключительно благодаря тщательно накопленным медицинским знаниям. Он возвысился до того, чтобы стать одним из врачей, которым были доверены тела самого султана и его семьи, и жил в Константинополе, ни в чем не нуждаясь. Не было ровным счетом ничего приятного в том, чтобы на год расстаться с женой, не видеть, как растет сын, не пытаться зачать второго ребенка. Успеха в этом деле пока что не наблюдалось, но доктор наслаждался процессом. И, что не менее важно, не было ничего приятного в том, чтобы оказаться вдали от семьи властителя, чье здоровье он оберегал и лелеял даже больше, чем собственное.

Он осмелился поинтересоваться у влиятельного придворного, нельзя ли сделать так, чтобы вместо него послали другого врача. Придворный сказал, что попробует разузнать, но, должно быть, сделал это неуклюже, ибо через несколько дней к Эзедину домой явился

Джафер⁵ бин Ибрагим — будущий главный советник посла в экспедиции.

— Доктор Эзедин,— сказал Джафер за кофе и инжиром, которые укутанная в прозрачное покрывало жена доктора, Сарука, принесла во внутренний двор и подала в тени иудиных деревьев⁶ в розовом цвету.— Это я предложил султану отправить вас в Англию. И он с энтузиазмом воспринял идею, что вы будете нас всех оберегать. Неужели вы отказываетесь?

— Ну что вы, я и не думал отказываться.

— Рад слышать это из ваших уст. Я ошибочно истолковал речи некоего придворного недоумка, который исказил ваши слова и душевные порывы. Будьте осторожнее с тем, кому вы их доверяете. Могу я взять еще один инжир?

Сын доктора, Исмаил, проплакал две ночи после того, как узнал о приближающемся отъезде отца в христианскую Англию.

— Но ведь я не уезжаю так уж надолго,— сказал доктор Саруке, когда мальчик устал рыдать и заснул.— Привезу ему что-нибудь английское в подарок. Приятно думать, что по мне будут так скучать.

Он потянулся через кровать к руке жены.

— Он боится, что ты не вернешься,— сказала она.— Он говорил мне, что боится, будто тебя съедят львы.

— Я успокою его. У англичан нет львов.

Однако на следующее утро мальчик был не в том настроении, чтобы с ним сюсюкались.

— Я не говорил «львы»! — заявил он, топнув ножкой.— Я сказал — Львиное Сердце. Ты отправляешься туда, откуда пришел Ричард Львиное Сердце.

Эзедин постарался не рассмеяться.

— Но Львиное Сердце давно умер. И все крестосцы давным-давно потерпели поражение. Крестосцев больше нет.

— Но его народ все еще может быть таким же, как он. И они захотят тебе навредить.

— Обещаю, со мной все будет хорошо,— сказал доктор Эзедин, целуя мальчика в макушку. Пахло чем-то сухим и сладким, как цветочная пыльца.

Сарука сказала ему вечером перед отъездом:

— Плохо, что ты уходишь. Я не хочу смотреть, как ты уезжаешь. Поэтому я тренируюсь: воображаю, что это уже случилось, и пытаюсь принять случившееся. Я не хочу проклинать твое отсутствие.

Утром на улице, пока сын цеплялся за его ногу, жена поцеловала Махмуда Эзедина.

— Я принимаю,— сказала она, прежде чем заплакать и оттащить плачущего мальчика.

Доктор отправился к морю. Он старался не оглядываться, но ничего не вышло.

В период пребывания в Англии посол и его люди побывали на аудиенциях у английской султанши в Гринвичском дворце⁷ и еще одном, Несравненном⁸, а сами, в свою очередь, принимали ее и сопровождающих на пирах *à la Turkeska** в резиденции посла, где самостоятельно забивали животных и готовили мясо надлежащим образом. Официальные переговоры тянулись несколько месяцев, в холодных комнатах королевских дворцов или в принадлежащих владычице зеленых парках. Стороны достигли соглашения относительно морских путей и свободных сухопутных проходов, обмена захваченными пиратами/моряками, различных иммунитетов и способов защиты для англичан, путешествующих по Османской империи. Дипломатия, в основном, представляла собой дуэль воображений, конструирование событий, которые еще не произошли, но внезапно стали весьма насущными.

— А если англичанин, путешествующий по Константинии, пожелает обратиться в религию Мухаммеда? — спросил главный советник посла Джафер бин Ибрагим.

* В турецком духе.

Этот конкретный вопрос позабавил английских переговорщиков, которые никогда не покидали родину, но глубоко встревожил других, кому довелось путешествовать, особенно в магометанских землях. О любой религии, которая обещала богатство, возможности и жен в *этом* мире, а не в загробном, можно было сказать многое. (Туркам эта истина была близка, как воздух, и жить с нею приходилось постоянно. Дома, в Константинополе, бин Ибрагим всегда поспешно продавал рабов-христиан, подумывающих о переходе в истинную веру, поскольку иначе пришлось бы освободить их себе в убыток: порабощение единоверцев — дело противозаконное.)

И наоборот, возник вопрос о турецких купцах, путешествующих по Англии, об их свободном и безопасном проезде по всему королевству, о том, какую защиту королева могла бы гарантировать гипотетическому магометанскому покупателю, скажем, олова. Мог ли такой человек невозбранно поселиться в Лондоне? Или отправиться на рудники вглубь страны? И молиться Аллаху и его святым, как того требовал закон, пять раз в день? Даже когда было указано, что евреи (которые, очевидно, были хуже и опаснее) иногда могли беспрепятственно передвигаться, англичане сочли перспективу турка, свободно путешествующего по их землям, настолько удивительной и явно нездоровой для политики, что эту тему временно отложили. Но затем один из тайных советников королевы, Роберт Бил⁹, отметил, что если (как настаивали турецкие переговорщики) любому англичанину в Османской империи, который со свободной совестью желает присягнуть на верность Мухаммеду, нельзя помешать поступить подобным образом, то любой магометанин, желающий

заявить о своей преданности Иисусу Христу, также может сделать это, находясь в Англии. Посол Османской империи с готовностью согласился на подобную взаимность, не в силах представить себе ни единого соплеменника, который увидел бы выгоду — духовную или денежную — в вероотступничестве или, если уж на то пошло, поселился бы на этом острове навсегда. Англия была попросту слишком бедной, а христианство — слишком малообещающим в том, что касалось жизни бременной. На самом деле, туркам с трудом удалось убедить некоторых английских пиратов покинуть Константинополь. Включая тех, которые сидели в тюрьме.

Тем временем, по предложению доктора Эззедина, все члены посольства собрали закят¹⁰ — кто сколько смог — и заплатили за освобождение или благополучие турецких заключенных, содержащихся в Англии. Эззедин на этом не остановился и в сопровождении стражников обследовал самые темные районы Лондона в поисках общины мавров, которые, по слухам, ожидали охранных документов или денег, позволяющих отправиться в более благоприятные края. Доктор Эззедин щедро одарил бы этих несчастных, сумеет он их найти.

Что бы Сарука и Исмаил подумали об этом месте? Он обрисовал его для них при помощи картинок и слов, все дворцы и скрипучие деревянные здания, где так и не удалось обнаружить мифических мавров. Но истину невозможно было запечатлеть на бумаге. Исмаил часто заявлял, что хочет путешествовать по миру, изведать каждый уголок империи султана, но все еще стеснялся других мальчиков и прятался за ногами отца. Эззедин подозревал, что один вид домов, разрисованных знаками, предупреждающими о чуме, лишит его сна на

несколько ночей. «Иногда гораздо приятнее оставаться дома», — говорил Исмаил отцу почти каждый вечер в течение нескольких недель, когда был поменьше.

Позже Эзедин привел Исмаила посмотреть хранилище карт в Блистательной Порте ¹¹, показал ему отдаленные уголки империи, где находились Сараево, Буда, Афины, Иерусалим и Каир — до них было так много трудных месяцев пути, в разлуке с Константинополем и птичками в клетках, любимицами Исмаила. В знак уважения к доктору мальчику разрешили посмотреть на глобусы и даже покрутить один из них. Эзедин наблюдал, как ребенок с беспокойством начинает осознавать вопрос размеров и расстояний.

— Неужели мы все живем на этой крошечной точке? Но как такое может быть?

Эта идея завладела разумом мальчика на целый месяц, и временами доктор отчаивался заставить сына понять, что к чему.

— Даже мама? Даже мои птицы? Даже ты? Все мы живем внутри черной точки? Но ведь земля снаружи не темная...

В конце концов Сарука преуспела там, где потерпел неудачу сам Махмуд Эзедин. Исмаил объяснил отцу:

— Посмотри, какими маленькими кажутся лодки на воде, когда мы стоим на вершине холма. Но они не маленькие, когда мы рядом с ними. Они не меняются, просто выглядят маленькими. И если бы какая-нибудь птица летела очень высоко, для нее мы казались бы достаточно маленькими, чтобы поместиться в одной точке.

В тот вечер Сарука поддразнивала мужа:

— Если хочешь, чтобы я сама занялась воспитанием мальчика, так и быть — поищу время, свободное от всех ежедневных забот.

На протяжении невыносимо влажного и холодно-го лета посла и его людей развлекали по приказу королевы, устраивая одно торжество за другим, но частенько они не могли есть большую часть подаваемых яств. Оставалось лишь созерцать спектакли и маскарады, танцоров и музыкантов, даже акробата-турка, который уже много лет состоял на службе у Елизаветы. Эззедин спросил его, как он оказался в Англии, но мужчина занервничал, не пожелал беседовать с бывшими соотечественниками, и даже деликатный подход доктора не помешал ему сбежать.

В первый же месяц посольство дважды увидело любимейшее развлечение королевы: кота, наряженного католическим папой, сажали на спину лошади и привязывали к седлу. Лошадь, задрапированная английскими знаменами, рысила по кругу, пока медведь, одетый в ливрею мистера Уолсингема¹², недавно скончавшегося государственного секретаря ее величества, не сбрасывал кота, чтобы разорвать его на куски.

— Это аллегория,— объяснила придворная дама Эззедину.

Доктор отвел взгляд, не желая смотреть, как умирает животное.

Главнейшие из членов посольства отправились кататься верхом с хозяином лошади, фаворитом королевы

(который, как рассудили турки, совершенно очевидно являлся сожителем английской султанши в интимном смысле), графом Эссексом¹³. Граф был рад поохотиться с парой соколов, привезенных послом в подарок ее величеству. Он счел посла достойным и общительным джентльменом и обнаружил, что главный советник Джафер бин Ибрагим «необычайно искусен в обращении с благородными птицами». Именно бин Ибрагим научил Эссекса произносить команды на арабском языке, которые хищники понимали лучше всего. Затем бин Ибрагим удостоился чести быть гостем за столом Эссекса и охотиться с ним наедине. Он часто беседовал с английским военачальником, задавая наивные вопросы, которые заставляли графа говорить без умолку, получая очевидное и предсказуемое удовольствие от возможности чему-нибудь научить невежественного, как ребенок, иноземца.

Бин Ибрагим поощрял членов посольства, которые говорили по-английски или на каком-нибудь языке, понятном англичанам, часами беседовать со странными обитателями этого странного места. Позже, в резиденции посла, он вызывал соотечественников по одному и лично выслушивал доклад обо всем, что они обсуждали, о всяком английском слове и интонации. Затем каждый получал дальнейшие инструкции о том, с кем следует пообщаться на следующий день и на какие темы.

Джафер бин Ибрагим сводил все эти отчеты в устное резюме для посла, которое ежевечерне излагал хозяину в его покоях, удаляя и добавляя определенные детали, чтобы посол все как следует понял. Затем бин Ибрагим возвращался за свой стол, чтобы подготовить для некоего визира в Константинополе письменное

свидетельство. Его бин Ибрагим отправлял всякий раз с уходящим кораблем, в то время как посольство оставалось в Лондоне. Хотя визирь сказал ибн Ибрагиму, что ни один англичанин — ни одна живая душа на всем острове — не может читать по-арабски, все же он зашифровывал донесения. Еще долго после того, как кроткий толстячок-посол начинал удовлетворенно похрапывать, бин Ибрагим вертел гравированную спираль из красного дерева: по ее поверхности перемещались изящные плитки, каждая с двумя буквами, причем одна буква во всякой паре была перевернута. После завершения трудов он крутил шифровальную палочку в обратную сторону, упорядочивая плитки для следующего дня в соответствии с системой, согласованной с визирем до отъезда посольства. И все равно просыпался по крайней мере один раз за ночь в страхе, что допустил какую-нибудь фатальную ошибку и превратил зашифрованное сообщение в абракадабру.

Джафер бин Ибрагим мечтал о том, чтобы знать все и всегда, и во сне его тело переполнялось блаженством — осязаемым и в щеках, и в паху, и в почках, — как будто он превращался в сосуд, до отказа набитый фактами и секретами, и это беспредельное знание весьма напоминало рай. Он действительно мечтал о рае — не таком, каким его описывали, но таком, на какой сам надеялся: чтобы всякий вопрос получил ответ, чтобы у знания не было изъянов и чтобы его вечно юную душу ласкали во множестве безупречные копии женщин, коими он восхищался на протяжении земной жизни, включая султаншу, дам, совсем недавно покинувших султанский сераль ввиду возраста, жен других придворных. Самой важной и прелестной среди них была бы супруга Махмуда Эззедина: дочь богатого человека, приз, нелепым образом потраченный впустую на провинциального врача; женщина, чьим лицом Джафер бин Ибрагим любовался сквозь прозрачную вуаль, и чьи глаза, несомненно, выдавали похотливую натуру.

В часы бодрствования бин Ибрагим довольствовался неполным знанием, хотя с особым интересом наблюдал, как доктор Эзедин — по натуре застенчивый —

подружился с Джоном Ди¹⁴, королевским колдуном. Казалось маловероятным, что Эзедин осознает, насколько ценным источником информации может быть этот человек, но подобное невежество могло сослужить бин Ибрагиму хорошую службу; по крайней мере, открытого и честного доктора не надо было просить лгать или играть какую-нибудь роль. Он просто пересказывал застольные беседы.

Махмуд Эзедин родился в Бейруте и был настолько светлокожим, насколько подобное случалось с людьми из этого выгоревшего на солнце уголка турецкой империи.

— Вы могли бы быть итальянцем,— сказал ему один из английских придворных.

Этого человека называли «рыцарем», но он не носил доспехов, лишь тонкий как пруттик меч, негодный для битвы. Эзедин на протяжении всей своей жизни слышал много историй о крестоносцах и христианских мародерах — их рассказывали, чтобы напугать и приструнить расшалившихся детишек,— однако этот рыцарь совсем не походил на дьяволов, какими были те люди. Доктор подумал, что с радостью поведает сыну: похоже, христиане с тех давних пор ослабли. Он хотел бы оказаться дома тем же вечером, разбудить мальчика и сказать ему: «Исмаил, я видел христиан. Они вовсе не крестоносцы. Скорее, они похожи на человечков из палочек, которых ты мастеришь с товарищами по играм».

— Да, несомненно, вы могли бы быть итальянцем.

Тон придворного подразумевал, что это лишь чуть более приемлемый вариант, чем если бы Эзедин был мавром. Английский рыцарь, как и многие его соотечественники, был таким вялым и худым, с тонкими

руками и ногами, таким своеобразным и женоподобным, что Эзедин задался вопросом, сколько среди них евнухов. Позже смеющийся мальчик-паж заверил его, что у христиан так не принято, и тогда доктор поставил диагноз: большинство англичан страдали от слишком водянистой крови, не способной содержать в себе много тепла или энергии. Из-за сырого климата на этом острове, как правило, не рождались на свет мужчины, наделенные физической красотой и мощью. Погода (слава Аллаху) обрекла эту нацию на слабость, как по отдельности, так и в совокупности. Возможно, уплывая на юг, англичане становились сильнее и в Африку или Иерусалим прибывали на пике могущества.

Тощий рыцарь продолжил говорить с доктором по-французски.

— Я бывал южнее итальянских земель. Там живут люди, похожие на вас — загорелые, но не такие темнокожие, как африканцы или даже как некоторые другие турки из тех же краев. Вы видели портреты дикарей Америки? Двоих доставили сюда, ко двору. Надо сказать, они действительно удивили кое-кого. Вероятно, их несколько *миллионов*, можете себе представить? Они ничего не знают о Боге. О мире. О вашей империи — тоже ничего, доктор. Это... — Рыцарь налил себе еще вина, затем посмотрел на резной и расписной потолок одного из залов Гринвичского дворца. — Ваш народ действительно не пьет вино? Надо же. Об этом даже думать тревожно. Откуда могло взяться так много красных дьяволов? Сколько веков они существуют? И мы про них не ведали? Как думаете, есть ли другие такие земли, полные народов, о которых мы ничего не знаем? Если подсчитать... сколько миллионов может

проживать к востоку или к западу от нас... Я вообще никогда о таких вещах не размышлял — с чего бы? Но если бы христиане в целом... поймите, я не ученый... если бы они не представляли собой большинство... я не в состоянии объять это разумом, вот что я пытаюсь сказать.

Эзедин с трудом понимал, что именно из этого странного и тревожного разговора он должен пересказать бин Ибрагиму.

Доктору Эззедину казалось, что его собственное тело размягчается и расплывается, будто стремясь сделаться похожим на тело какого-нибудь англичанина. Жизненная сила и тепло покидали его в этом больном воздухе, посреди жутких улиц. Он дрожал даже днем, даже когда стояла сухая погода. Кашлял, но никак не мог откашляться. Плохо спал по ночам, зато быстро засыпал в полдень. Он был далеко от своей собственной семьи и семьи возлюбленного султана. Он твердил себе, что ему по-прежнему доверяют, что дома ничего не изменилось в его отсутствие, но иногда расстояние ощущалось непреодолимым и незыблемым, как будто между Махмудом Эззедином и вверенным ему драгоценным телом в султанском дворце пролегла бесконечность. Иногда доктор испытывал ребяческий страх перед грядущим и трижды видел мучительные сны, в которых узрел самого себя дряхлым, седым и иссохшим, совершенно одиноким среди отбросов и ручьев из человеческих нечистот, которые текли по бесполезным улицам отсталого Лондона. Он всякий раз просыпался, коря себя за трусость.

В те месяцы, которые посольство провело в Лондоне, обязанности доктора Эззедина были, по большому счету, необременительными. Ему надлежало заботиться

о здоровье посла, но этот евнух каким-то образом оставался в добром здравии без особых усилий, словно английский воздух на него не действовал. Возможно, он был под защитой, потому что родился христианином: так иные дети переболевших чумой сами для нее неязвимы. Кроме того, посол ввиду дипломатического протокола был недосыгаем для английской пищи и в результате механического вмешательства не подвержен искушению, которое представляли гротескные англичанки, эти влажные, потные средоточия скверны, источающие то аромат роз, то запах лука.

Эзедин помолился, возблагодарил Аллаха. Он напомнил себе, что олицетворяет здесь силу и уверенность перед лицом бесконечных странностей, угроз здоровью и крепости ума. Он должен упрочить тела соотечественников (включая собственное) и снабдить их умы защитой против всего, что в этой стране было неправильным: полубнаженных женщин, еды, тумана, грязи, опьяняющих напитков, интеллектуальной мягкости, бытующих на острове разновидностей ложной веры с ее ревностными сторонниками. В те дни, когда доктор мог нормально работать и дышать, чувствовать благодарность и надежду на будущее, а не горечь и страх, он засыпал, напоминая себе, что честно зарабатывает награду по возвращении. Прикосновение Саруки станет воздаянием за храбрость перед лицом этих противоестественных созданий; смех Исмаила — за то, что он слушал их разговоры; приготовленные Сарукой яства — за кислые фрукты, которыми его угощали в хлипких дворцах; компания Исмаила, его маленькая рука в отцовской руке — за насмешки христиан, произнесенные шепотом.

И он просыпался, готовый снова приступить к своим обязанностям. Помимо общения с англичанами и пересказывания их речей ненасытному в своем любопытстве Джаферу бин Ибрагиму, Эзедин составлял гороскопы для посла и занимался жалобами других соотечественников на их физическое состояние: раздавал порошки и мази от болезней желудка и высыпаний на коже, готовил полезный бальзам для тех, кого угораздило развлечься с какой-нибудь англичанкой. В оставшееся время он изучал местные травы и растения и все больше сближался с алхимиком-астрономом королевы и натурфилософом доктором Ди. Этот добрый христианин с интересом беседовал с Эзедином. Обнаружилась удивительная вещь: доктор Ди обладал значительными познаниями в математике и медицине и даже читал переводы Аверроэса, Авиценны и аль-Хорезми. Двое мужчин сидели рядом на пиру в посольстве, потому что так устроил бин Ибрагим. «Мне говорили, вы оба любите рассматривать траву и грязь. Возможно, он знает секреты, которыми поделится с вами».

После этого празднества Ди пригласил Эзедина к себе домой, и бин Ибрагим одобрил визит, утвердив свою власть — с течением времени она делалась все более явственной — и контроль над передвижениями людей из посольства. «Потом расскажете мне, чему вы там научились. Если ему ведомы лекарства, о которых вы не знаете, проявите предприимчивость — и султан будет доволен. Если он захочет поведать об использовании королевой магии для ведения войн с иноземцами или переговоров с нами, еще лучше. Любые гороскопы, которые он составил для придворных, вы должны запомнить и немедленно пересказать мне».

Но про интриги или дворцовые тайны они совсем не говорили. Вместо этого ученый муж Ди застенчиво продемонстрировал своему новому другу философские инструменты для чтения по звездам, библиотеку и собственную стеклянную оранжерею для выращивания лекарственных трав. Все это значительно превосходило то, что Эзедин ожидал увидеть за пределами турецких или мавританских земель, и он похвалил хозяина дома, выразив надежду, что когда-нибудь сможет отплатить ему тем же, показав обширные чертоги, выделенные ему для ученых занятий в Новом дворце. Ди охотно принял приглашение, искренне желая совершить такое путешествие, и Эзедин был рад пробудить в англичанине некоторую зависть к знаниям магометан. Ди даже с сожалением признал, что построенное на средства султана, скорее всего, затмит то, что можно соорудить в Англии, где «люди слишком часто нервничают, узнавая о вещах, противоречащих их драгоценным заблуждениям».

Доктору Эзедину понравился доктор Ди — он понравился бы ему при любых обстоятельствах. Эзедин восхищался мудростью христианина, который мог шагнуть навстречу свету, увидеть проблески истины во тьме. Когда Ди однажды увез его за пределы Лондона в лес, где принялся по-латыни объяснять щедрость английской земли, Эзедедина глубоко тронули энтузиазм и познания собеседника, а также обилие чудес, которые скрывали в себе чужеземные заросли. То был крайне редкий момент, когда Эзедин не стремился немедленно умчаться прочь с отвратительного острова.

— У меня есть сын. Его зовут Исмаил.

— Исмаил,— медленно повторил Ди, проговаривая каждый звук.— Вы гордитесь своим ребенком?

— Очень сильно. Он мудрый мальчик. Ему восемь лет. Он наделен неким родством — полагаю, это верное слово, — дарующим понимание животного мира, и отдельных животных тоже. Я не помню такого в себе, когда был в его возрасте. Недавно я случайно увидел его лежащим на камнях во дворе дома. Сначала я испугался. Я увидел только его маленькие толстые ножки, вытянутые на земле, но, завернув за угол, узрел маленькую собачку, сидящую на груди Исмаила. Я не знал ни эту собаку, ни откуда она взялась. Я наблюдал. Они не заметили меня. Мой мальчик почесывал собаку за ушами. Мне кажется, собаке явно нравилось мое дитя. Я наблюдал за ними, пока собака не отошла, решив понюхать что-то в углу.

— Мне случилось такое видеть. Кажется, он добрый и нежный малыш.

— Но подождите: собака ушла, а мой ребенок остался лежать на спине. Он не встал и не пошевелился. Мне кажется, он знал, что я наблюдаю за ним, но я могу и ошибаться. А затем, к моему изумлению, две птицы слетели вниз и приземлились на него — одна на грудь, где только что была собака, другая на руку, поближе к запястью. Так все и было. И он, казалось, ничуть не удивился происходящему. Он считал совершенно правильным, что птицы так доверяют ему. Они оставались на нем, прогуливались и распевали птичьи песни несколько минут! Я даже попытался их зарисовать, пока стоял там. В тот вечер на ужин моя жена приготовила цыпленка. Она приготовила его как обычно, с гранатовыми зернами в йогуртовом соусе. Это любимое блюдо как мое, так и Исмаила. Но в тот вечер...

— Он отказался от еды? — предположил доктор Ди.

— Верно. Я спросил, все ли в порядке с его здоровьем. Он пухлый малыш. Это не похоже на него — отказываться от какой бы то ни было пищи. «Я не болен, отец», — сказал мой мальчик. Мать упрекнула его: «Если хочешь быть сильным и мудрым, как твой отец, ты должен есть». И знаете, что он сделал?

Доктор Ди задумался, потом догадался:

— Выразил скорбь?

— Вот именно. Он заплакал. Прямо за столом. И никак не мог утешиться.

— Ну разумеется, — сказал английский друг Эззедина. — Разумеется.

Каждый вечер, после молитвы магриб¹⁵, которую посланцы султана совершали все вместе, Эзедин писал сыну: у доктора получился длинный дневник, который он намеревался привезти в Константинополь сам, после завершения миссии, не рискуя отдельными письмами и гонцами на торговых кораблях, которых вполне могли перехватить алжирские (или английские) пираты до того, как они попадут в Константинополь, к его мальчику.

Доктор беспечно записывал впечатления о чужеземцах и их обычаях, их редких проблесках здравого смысла (Ди он восхвалял как особый случай, достойный отдельной категории), их преобладающей нечистоплотности. Он писал о королеве, которую видел за столом и во дворце и которая несколько раз разговаривала с Эзедином лично. Она с интересом взирала на турецких мужчин, даже долго смотрела им в глаза.

«Английский королевский двор не так богато устроен, как султанский, и не подошел бы даже паше. Лучшие здания выглядят красиво, стены и потолки в них украшены деревянной резьбой и расписаны сценами из местной истории, но само по себе королевство — маленькое, в масштабе мира незначительное и к тому же нищее. Так

и просится вывод, что их слабость объясняется отказом признать истинного Бога. Однажды они попросили нашего султана о помощи в борьбе с врагами-испанцами. Я присутствовал, когда султан зачитал своим придворным умоляющее письмо этой королевы, и он громко смеялся вместе со всем двором.

Султаниша Англии не может соперничать красотой с нашей султаншей, если верить тому, что про нее говорят, и мудростью — с султаном, но при этом она хорошо говорит на латыни. Она старая женщина с причудливо раскрашенным лицом. У нее волосы цвета хурмы, потому что она родом из Уэльса, там у всех такой странный цвет, но я сам не ездил и собственными глазами этого не видел. Однако мужчины Уэльса по свирепости превосходят прочие племена этого острова, потому и захватили его почти целиком. Воины из Уэльса завоевали остров при дедушке этой королевы, но я не знаю, был ли он силен, как турецкий солдат, ведь король, побежденный им, — горбун. Главный визирь королевы — тоже горбун¹⁶. Похоже, для этого несчастного племени такое в порядке вещей. Их тела легко ломаются, или они рождаются сразу неполноценными. Странное место.

Самую северную часть острова все еще удерживает народ шотландцев, он слабее (да, еще слабее!). Их король — кузен королевы. Иногда он ей друг, а иногда — враг, если я правильно понимаю. Мать этого мелкотравчатого короля пыталась отнять у Елизаветы трон с помощью колдовства и хитростей, но английская королева раскрыла ее козни и лишила ее головы. Неудивительно, что Якуб, король Шотландии, ненавидит Елизавету и англичан, и неудивительно также то, что, когда он заявляет, будто не ненавидит их, утверждает, что любит

ее как свою кузину и владычицу, многие думают, что он лжет. Я не знаю, лжет ли он, и можно ли вообще это узнать — ведь, как мне сообщил советник нашего посла, Якуб хочет стать королем всего этого холодного острова, когда Елизавета умрет. И вот эти люди сражаются вслепую, как крысы во тьме, для них весь мир — корка хлеба, потому что они не знают, какой свет сияет прямо за дверью их подвала.

Эта их королева... Все время мыслями возвращаюсь к ней, сам того не желая. Она никогда не выходила замуж, и все в полный голос говорят, что она все еще девственница, хотя и стара. Она стара, но все равно ведет себя как девица с горящими глазами. Мне неловко, когда она смотрит на меня, но посол, кажется, может превозносить ее красоту, не краснея. У него трудная работа. Возможно, он лучше всех нас подготовлен для нее. Султан, вероятно, поступил и впрямь мудро, когда выбрал его для этой миссии. Женщины здесь ходят почти обнаженными при дворе и в городе. Они все демонстрируют лица. Без исключения. Только не говори об этом своей матери!

Не стоит удивляться тому, что одна христианская нация не любит другую и готова воевать с соседним христианским королевством. Такие вещи происходят и среди приверженцев истинной веры. Но вызывает потрясение тот факт, что христиане готовы убивать друг друга не из-за земли, власти или денег: чаще всего они очертя голову бросаются в междоусобицу из-за всеобщей неспособности понять природу Бога. То, что очевидно для нас — пусть мы и вынуждены бороться за власть, земли или богатства, — настолько сбивает с толку недалеководных христиан, что они режут и сжигают собственных соседей, соотечественников и святых мужей.

У них, конечно, есть своя книга. И все же они не могут договориться даже между собой о том, что в ней говорится! Они не могут прийти к согласию о том, как ее понимать. Словно дети (дети, которые намного глупее тебя, мой мальчик), они расстроены проблемой, решение которой ускользает от них, и поэтому от гнева готовы лопнуть. Они не могут узреть истинный источник своего разочарования: свою собственную слепоту. Вместо этого они яростно нападают на тех, кто стоит рядом с ними, испытывая досаду по той же причине. И какова их ярость! Мне рассказывали, что в Париже, в королевстве франков, крестопоклонники разрывали на куски мужчин, женщин, даже детей, которые иначе толковали христианские истории.

До этой королевы в Англии была другая, сестра Елизаветы, но она была крестопоклонницей и потому сжигала своих религиозных врагов сотнями. Ее сторонникам даже в голову не пришло (как и сторонникам Лютера, подручным Елизаветы, которые, в свою очередь, охотились в Англии за крестопоклонниками, выволакивали их из подвалов и рубили на куски), что и те, и другие неправы!

Но среди них попадаются мудрые люди. Мой новый друг, Джон Ди, снова пригласил меня к себе домой этим вечером. Он устроил в своем особняке в Лондоне ужин в мою честь. Чтобы избежать противоречий с нашими заповедями, подавали, в основном, блюда из овощей и фруктовые пироги. Джон Ди даже раздобыл гранат, что на этом острове большая редкость. Такое великодушие доказывает, что он благородный человек. Часть разговора за столом велась на английском, слишком быстро, чтобы я мог уследить за смыслом, хотя я теперь лучше понимаю их язык».

За несколько месяцев до этого Сарука, сидя перед домом, ощипывала курицу. Жена доктора Эззедина широко раздвинула ноги и расстелила на коленях кусок ткани. Исмаил собирал перья и бросал их по одному через стену. Время от времени ветерок подхватывал перышко и отправлял в долгий полет вдоль всего склона холма, до самого моря. Женщина вытерла тыльной стороной ладони открытый лоб, и на коже осталось немного куриной крови.

Чувство, которое он к ней питал, было похоже на голод. Он шагнул ближе и дал знать о своем присутствии. Она испуганно подняла глаза.

—Моего мужа нет дома, господин.

Джафер бин Ибрагим изобразил легкое разочарование.

— Какая жалость. У меня для него кое-какие новости про наш отъезд в Англию. Могу ли я присесть и немного отдохнуть, прежде чем вернусь к своим обязанностям?

Джафер бин Ибрагим был мужчиной среднего роста, среднего интеллекта и среднего таланта, но при этом обладал в высшей степени развитым чутьем на выживание, совсем как у старого шакала. Его послали в Англию в качестве главного советника посла по

уважительной причине. Он не только умел говорить по-английски, но и гораздо лучше, чем кроткий посол, различал слабость и силу, мягкость и нерешительность, а также (султан знал, что это характерная английская черта) некомпетентность и невежество, спрятанные под высокомерным безразличием.

Во Дворце счастья бин Ибрагим был одним из многих, кому султан доверял в вопросах вынюхивания заговоров и интриг, заранее зная, что их запах как таковой его не привлечет. Султан умел выделять из толпы людей, которые понимали, какова истинная логика жизни, и принимали ее без труда. Владыка Османской империи знал, что личные интересы Джафера совпадут с султанскими в переговорах с королевой Англии. Джафер был из тех людей, которым султан позволял возвыситься до определенного предела, а затем тщательно и регулярно проверял, ища приметы ядовитого честолюбия. Схожим образом доктор Эзедин настаивал на том, чтобы дважды в год осматривать султана на предмет любых едва заметных проявлений какой-нибудь коварной болезни на коже, в мокроте или в пузырящейся урине.

— Доктор Ди показал травы,— повторил бин Ибрагим последние слова Эзедеина, а затем попросил принести еще питья для них обоих.

— И продемонстрировал свойства некоторых из них.— Эзедин знал, что использует выражения, которые могут слегка сбить спесь с бин Ибрагима.— Природные качества и присущую им философскую ценность.

— Объясните.

Эзедин попытался растолковать, но глаза бин Ибрагима были закрыты: пусть доктор и говорил откровенно, его собеседнику не хватало знаний, чтобы понять хоть малую часть того, что касалось медицины.

— Ничего опасного. Просто лечебные или магические свойства определенных растений и трав, которые встречаются на этом острове, но не в наших краях. Их способность причинять вред или исцелять. Я скорее думал... — и тут Эзедин поздравил себя с тем, что проявил сообразительность, рассчитывая на похвалу Джафера, — что выполнял задачу, которую вы нам поставили. Я собираю секреты этой страны, чтобы привезти их домой на благо султана и нашего народа.

— Превосходно, доктор. А теперь расскажите обо всех гостях за столом, по порядку.

Эзедин напряг память: он не обладал умением некоторых запечатлеть в уме образы, и к тому же многие англичане так походили друг на друга, что он не раз называл одного именем другого. Там было изрядное количество выпивки, которая, как его заверили, не содержала алкоголя, но, стоило признать, все равно затуманивала разум.

— Доктор, пожалуйста, перескажите мне разговоры за столом. Поддерживают ли они свою королеву? Или строят заговоры? Хотят ли, чтобы на трон взошел король, что было бы естественно? Может, кто-то из них видит королем самого себя? Будут ли они соблюдать свои соглашения с нами? Кто из них кажется самым бедным? Вы говорили об истинной религии? Как думаете, кто-нибудь из них согласится частным образом сообщать вам разные вещи в обмен на золото?

Эзедин для такой задачи едва ли годился. Вспомнить, что сказал каждый мужчина за время долгой трапезы? Некоторые, вероятно, говорили о Франции и Испании, то-се про короля Якова Шотландского и Елизавету. Но больше всего разговоров было о лошадях — у кого они самые быстрые, красивые, смелые. Эта тема грозила привести к ссоре, но всякий раз в преддверии настоящего боя с трудом заключали перемирие.

Эзедин встал из-за стола по приглашению доктора Ди, чтобы осмотреть его библиотеку. У Ди была книга на арабском языке, и он хотел, чтобы Эзедин прочитал ему отрывок. Это оказался Аверроэс¹⁷. Пока они возвращались к столу, состоялся короткий разговор об Эзедине: не сможет ли доктор в свободное от посольских дел время обучить Ди читать и писать по-арабски?

— Вы согласились стать его учителем? — спросил бин Ибрагим.

Эзедин ответил осторожно, опасаясь чего-то в голосе мужчины, опасаясь, что он преступил черту.

— Я сказал, что подумаю об этом.

Ложь прозвучала неправдоподобно даже для его собственных ушей.

— Думаю, отличная идея.— Джафер казался почти спящим.— Регулярно проводить тесные совещания с доверенным колдуном королевы... Умно! А когда вы вернулись к компании за столом?

Эзедин испытал двойное облегчение: уроки арабского, которые он уже начал с восторгом и удовлетворением, были разрешены; и у него имелось еще одно четкое воспоминание о застольной беседе, которое он теперь мог передать бин Ибрагиму. Он чувствовал себя

почти довольным от того, что мог предоставить этому человеку желаемое.

— Один молодой человек — кажется, поэт — хвастался, пытаясь произвести впечатление на людей постарше своими речами. Как дерзкий ребенок.

— На какую тему?

Теперь Эзедин все вспомнил отчетливо.

— Он сказал, что христианская священная книга — ложная. Что еврейские книги тоже фальшивые. Что это всего лишь истории, в которых нет ни слова правды; рассказы о мошенниках и грязных людишках. Да, он так выразился: «грязные людишки».

Бин Ибрагим с интересом приоткрыл один глаз.

— Кто-нибудь из гостей с ним согласился?

Некоторые. Другие неодобрительно покачали головами. Отдельные реплики звучали слишком быстро, чтобы Эзедин успевал их понимать. Кое-кто из гостей — рыцарей и лордов — смеялся и подбадривал поэта в его словоизлияниях.

— «Моисей был фигляром»¹⁸, — сказал он, и другой мужчина, крупный мужчина, которого я видел при дворе, громко рассмеялся над этим.

— А хозяин? Мастер Ди?

— Он интересуется всем и готов выслушать любого, даже если не согласен с ним. Он признает наших врачей своими учителями, математиков и астрономов — тоже.— Эзедин сделал паузу, вспоминая, что порадовало его этим вечером, а потом описал это с бездумной откровенностью: — Я подозреваю, что эти люди... изумляются слепоте своих собратьев-христиан. Возможно, они и есть те, кто мог бы узреть превосходство нашего образа жизни. Но в то же время, как мне

кажется, они опасно близко подобрались к идеям иного рода. Некоторые обвиняют их в атеизме, хотя я не думаю, что они действительно...

— Выходит, о мой достойный доверия доктор, вы провели вечер, выпивая с людьми, которые отвергают истину *любого* Бога?

Задавая вопрос, бин Ибрагим наконец открыл глаза и слегка улыбнулся. Эзедин лишь теперь расслышал угрозу, похожую на первые проблески лихорадки или инфекции. Если бы речь шла о них, он, несомненно, заметил бы тревожные симптомы гораздо раньше. Но в какие-то моменты он становился подобен ребенку и злился на себя за это. Он пробормотал:

— Если Аллах... если Аллах... если...

Но мысль, которую он пытался вытолкнуть из уст, как будто раздулась от гнева и не могла соскользнуть с языка.

— Да? Если Аллах — что? — Джафер расслышал этот гнев и распахнул перед Эзедином пространство, где тот мог бы его разместить.

Однако спокойствие вернулось к доктору.

— Возможно, эти люди обречены сперва бродить вслепую, спотыкаясь, и узрят истину лишь после того, как упадут достаточное количество раз.

Джон Ди стоял рядом с доктором Эззедином, на приличном расстоянии от птиц и охотников, и наблюдал, как соколы поедают мясо.

— Послушать графа,— проговорил английский доктор, кивая в сторону Эссекса, возлюбленного королевы,— так птицам свойственно благородство. Они знают, что такое уважение, мужество, верность.

— Но вы полагаете, что они научились просто отслеживать еду,— сказал турецкий лекарь.

— Я верю, что они, как и мы, склонны к формированию привычек. Возможно, даже предпочитают все знакомое. То самое запястье. Тот самый колпак. Я не думаю, что они ценят одну руку в перчатке выше другой. Хотя история о вашем мальчике и птицах заставляет задуматься. И преданность некоторых собак и боевых коней подталкивает к размышлениям о том, не могут ли они чувствовать и понимать нечто большее.

На другой стороне парка, рядом с графом Эссексом, Джафер бин Ибрагим ослабил ремни птичьего колпака, выпустив моргающую голову хищника на свет. Существо уставилось в небо, и бин Ибрагим бросил его в синеву, в то время как загонщики и псы погнали певчих пташек и воробьев прочь с деревьев и кустов. Эссекс попросил вина. Когда его подали, бин Ибрагим

отказался, затем повернулся, чтобы кивнуть и слегка поклониться двум врачевателям на противоположной стороне зеленого луга.

— Пойдемте прогуляемся,— сказал Ди и взял своего турецкого друга под руку.

Эзедин последовал за своим обожаемым англичанином дальше в лес. Ди с энтузиазмом принялся тыкать пальцем. Его удовольствие от разговора было очевидным:

— Яд... облегчение боли... избавляет от фурункул... от затрудненного мочеиспускания... от прочих недугов мужского органа...

В отличие от английских физиономий, эти бутоны, листья и черенки милостиво позволяли Эзедину себя различать. Некоторых он знал по турецкой почве; других считал родственными известным растениям; наиболее интересными, конечно, были уникальные для английской земли. Ди разломил веточку надвое и поднес к носу Эзедина.

— Замедляет кровотечение.

Эзедин собрал несколько образцов и спрятал в сумку.

— Я думаю, было бы показательно сделать надрезы в двух местах и нанести на один пасту, приготовленную из английского корня, а на другой — пасту, приготовленную из трав, которые я привез из Константинии. А потом посмотреть, какая быстрее остановит кровотечение.

Ди рассмеялся, как ребенок.

— Мы должны это сделать! Давайте так и поступим сегодня же вечером. Это очень проникательно с вашей стороны, мой друг. Если бы только на каждый вопрос можно подыскать такой же блестящий ответ.

— Вы слишком добры.

— Ваша компания скоро вернется в Константинополь. Вы готовы покинуть наш остров?

Эзедин сказал своему единственному другу:

— Я буду сожалеть о наших прогулках и беседах, но увижу свою жену и сына, поэтому даже из дипломатических соображений не буду притворяться, что отъезд меня огорчит. Они нуждаются во мне, и, если честно, пока я здесь, меня терзает чувство утраты.

Ди рассмеялся.

— Мой друг, это совершенно очевидно, даже для такого дипломатического человека, как вы.

Когда они углубились в лес, доктор Ди рассказал, как часто ему за всю свою жизнь приходилось сталкиваться с раздором, вызванным неспособностью отвечать на вопросы столь элегантными решениями, как предложенный Эзедином эксперимент.

— Бесспорное величие нашей королевы заключается в ее мудрости в одной конкретной области. Я не знаю, как обстоят дела среди магометан, но, к сожалению, христианские королевства ненавидят друг друга и расходятся во мнениях относительно того, как лучше проявлять любовь к Иисусу Христу. Если вдуматься, какое безумство — ненавидеть из-за стремления лучше любить. Но так оно и есть. Будем снисходительны к детям и тем, чьи души изменчивы, как у детей. Для многих это нормальный порядок вещей. Каждый человек моего возраста трижды столкнулся с тем, как привычная жизнь перевернулась с ног на голову, и, придя в отчаяние от невозможности отыскать правильный способ верить, некоторые выбрали не верить ни во что. Однако это не убергло их от пламени и топора, коим орудовали сперва католики,

потом протестанты, и так далее, и тому подобное. Пока наша мудрая королева, в чьей душе обитает божественная искра любви, не поняла, что нам вовсе не следует заглядывать в сердца другим людям. Нам надлежит — я верю, что она это знает, хотя иногда забывает в те периоды, когда католики грозят трону,— научиться быть равнодушными к ошибкам остальных, даже к их проклятиям. Ибо то, что мы, с присущей нам слабостью, уверенно считаем чужими ошибками... следует признать, что это могут быть вовсе не ошибки, а подобное рассуждение подтолкнет нас к выводу, что заблуждаемся как раз мы сами. Я убежден, она это понимает. Отсюда вывод: давайте по воскресеньям все будем вести себя одинаково, как хорошие англичане, и никаких больше пересудов. Возможно, люди могли бы привыкнуть к существованию, осененному сомнениями. Я считаю, толика сомнений — необходимый элемент для жизни.

Пораженный словами Ди, Эзедин молчал и слушал, пока философ не закончил, и молчание не сделалось оскорбительным. Наконец он позволил себе заговорить, но нервничал из-за того, что ему придется сообщить бин Ибрагиму, и боялся, что кто-нибудь другой мог бы рассказать (хотя свидетелей у разговора не было) о самом Эзедине, и поэтому осторожничал со словами, будучи не совсем честным.

— Есть ли предел допустимой ошибки в мыслях других людей? Вы бы полюбили своего соседа-англичанина, будь он магометанином?

— Я люблю своего дорогого друга из страны турок и не ощущаю стремления в чем-то его исправлять.

Эзедин ничего не мог с собой поделать: он восхищался этим смирением, этой открытой душой.

— А если бы сосед, как поэт-гость в вашем доме недавним вечером, вообще не верил ни в какого бога, ни под каким именем — ни моим, ни вашим?

При этих словах Ди рассмеялся, и Эзедин вздрогнул — вдруг кто-то услышит?

— Не надо слишком серьезно относиться к гримасам проказника. А вы знаете, что во Франции есть английские католики, которые изучают насилие и намереваются проникнуть в Англию, чтобы творить зло? Они прекрасно знают, что их поймают, будут пытаться и убьют, и они жаждут этого! Они называют себя мучениками! От этого болит душа. И мне стыдно за нас перед магометанином, как за католиков, так и за протестантов.

Все это Эзедин попытался запомнить слово в слово. Он записал разговор после того, как они с Ди обнялись на прощание (и запланировали надрезать друг другу руки и вместе нанести пасту), хотя сперва зарисовал и описал листья и корни, про которые ему рассказал друг.

Он записал слова Ди, чтобы точно ничего не забыть. Таков был его долг.

Он записал слова Ди, чтобы когда-нибудь показать сыну, как возрастает мудрость. Это он собирался сделать не только из чувства долга, но и с радостью.

Он записал слова Ди, потому что мысли доктора доставляли Эзедину удовольствие. Вернувшись домой в Константинополь, он с наслаждением вспоминал бы на досуге речи друга. Возможно, они продолжат доброжелательную научную переписку. Возможно, он мог бы послать лекарства обратно в Англию.

Но сначала долг требовал обо всем доложить бин Ибрагиму: он, конечно, так и поступит. А может, сообщит лишь о том, что разговор касался натурфи-

лософии, медицины, ботаники. Он не хотел даже намеком продемонстрировать, как доктор Ди высказался по поводу слабости христиан, тем самым становясь потенциальным тайным слугой бин Ибрагима.

Выйдя из леса в открытый парк, где все еще охотились Эссекс и бин Ибрагим, Ди и Эзедин прошли мимо трех придворных дам. Когда женщины повернули головы и мило улыбнулись одними губами, Эзедин последовал примеру Ди: поклонился, одновременно поворачиваясь, и попятился.

— Вон та дама — камеристка. Она одевает королеву, помогает ей принимать ванну, очищает во всех смыслах. У вашего султана и султанши есть такие слуги?

Эзедин чувствовал, что было бы жестоко говорить правду: на любого английского пажа, служанку или красавицу, вроде этой женщины, на каждого воина, музыканта или повара у султана в Блистательной Порте имелась дюжина. Некоторые получали жалованье, некоторые были рабами, некоторые служили по любви. Султан жил среди толпы тех, кто жаждал прикоснуться к волосам владыки, подкрасить лицо, почистить зубы, вытереть нечистоты. Английский двор не мог превзойти султанский в богатстве — не считая зеленой травы, которую Эзедину нравилось ласкать, опускаясь на колени.

— Потому что,— продолжил Ди,— я случайно узнал, что она спрашивала о вас. Вы привлекли внимание великой красавицы, мой друг, своими экзотическими обычаями и магометанской мудростью. И, подозреваю, рыжей бородой.

Эзедин не сразу понял намек.

— Я польщен,— просто сказал он, хотя и не был в этом смысле полным профаном.

В Константинополе какая-нибудь придворная дама вполне могла возжелать мужчину, который не приходился ей мужем. Результатом могли стать отрубленные головы или просто яд, подсыпанный в кубки, и поэтому противозаконные желания сдерживались без особых трудностей. Конечно, чем большей милостью султана пользовался человек, тем больше свободы ему предоставлялось, и, как один из султанских врачей, Эзедин — как ему казалось — мог делать в Блистательной Порте практически все, что душе угодно. Он знал некоторых людей, действовавших сообразно желаниям и свободе, которую давало положение. И все же сам не испытывал никаких желаний, кроме тех, чьим объектом была жена. Ему никогда не приходило в голову, что это необычно. Он также не замечал, какие аппетиты она пробуждала в других мужчинах.

Два врача обошли опушку и оказались на уединенной зеленой лужайке, похожей на бухту, с трех сторон окруженную деревьями, чьи ветви отбрасывали на траву узор теней. Три акробата — тощий мужчина удивительно высокого роста, мальчик и еще один человек, пол которого Эзедин не смог определить, — ожидали проходящих зрителей и теперь, при виде двух беседующих докторов, поспешили начать представление.

— Алле-оп!

Таинственный третий взобрался мужчине на плечи и принялся жонглировать тремя мячиками. Мальчик бегал кругами, притворился, что падает, затем подпрыгнул и вскарабкался наверх, не останавливаясь, пока не оказался на плечах второго циркача. Устроившись на этом насесте, высоко над докторами, он вытащил из кармана четыре мячика и тоже принялся ими жонгли-

ровать. Над существующим кольцом из мячиков возникло еще одно, побольше.

— Я могу забросить эти мячи в небеса! — кричал мальчик, швыряя их все выше и выше, рисуя пересекающиеся дуги и орбиты, гармонические круги. Два доктора откинулись назад, как тростинки во власти ветра, чтобы посмотреть, как летающие мячики образуют собственную маленькую вселенную над башней из людей.

Позади раздался голос:

— Это я и хотел продемонстрировать в вашем доме недавним вечером.

В густой траве шаги чужака были неслышны, и его голос прозвучал почти над ухом Эззедина. Это оказался тот самый молодой человек из дома Ди — друг одного из лордов, поэт, который чуть ли не хихикал от порочного удовольствия, играя опасными идеями и изрекая крамольные слова.

— Вот оно, мои дорогие доктора: жонглер, совсем как священник, заявляет, будто может заглянуть Господу прямоком в ноздри — и мы, находясь всего-то несколькими ярдами ниже, просим его сообщить нам, какова длина растущих там небесных волос.

Эззедин никак не мог вспомнить имя этого человека. Ди только покачал головой, спокойно и неодобрительно, но явно готовый простить юношу, как прощают младенца, который перемазался в собственных испражнениях.

— Кит — трудный мальчик, — сообщил Ди Эззедину с улыбкой, виноватым тоном. — Именно такие речи, как я уже говорил, нам нужны меньше всего.

И все-таки сегодня в этом молодом человеке было что-то такое, что сразу же понравилось Эззедину, прежде чем внутри него зазвучал голос осуждения. Поэт

богохульствовал, как будто ожидал, что его будут хвалить, а не карать — хвалить за мудрость и отчаянную дерзость. В обычных обстоятельствах (богохульство против Мухаммеда!) Эзедин был бы рад видеть его наказанным, но в нынешних условиях виделось нечто (богохульство против христиан, среди христиан!), позволяющее Эзедину взвесить ценность парнишки на каких-то других весах, не связанных с доктриной. А потом Кит вызвал у него симпатию. Ему понравилось желание юноши быть любимым, рассмешить доктора Ди — и тот на самом деле рассмеялся, качая головой в неубедительном порицании, а Кит все продолжал шутить и провоцировать, якобы опираясь на исторические свидетельства. За ужином он сказал (Эзедин забыл сообщить об этом бин Ибрагиму): «Знаете ли вы, что в Новом Свете есть народы, которые живут на земле уже более шести тысяч лет? Это больше, чем вся история человечества, изложенная в нашей невнятной книжке».

Мальчик-жонглер на вершине башни крикнул вниз:

— Господа! А вы сумеете поймать то, что прилетит из горних высей?

С этими словами маленький циркач выпустил из верхней части круга один из мячиков, и три других слились в размытое пятно, похожее на нимб. Выпущенный мячик упал с неба, пролетев стрелой мимо трех тел и шести других мячиков. Эзедин попытался его поймать, но ему не хватало навыков в подобных упражнениях. Мячик упал между стоящими внизу, и его схватил поэт.

Кит упрекнул доктора:

— Ну что же вы его не поймали, сэр Турок? Даже паписты, которых мне доводилось встречать, время от времени не прочь изловить и пощекотать то один, то другой волосатый шарик.

Эзедин попытался поиграть словами, вторя остроумию Кита:

— Неужели для Бога земля — попросту детский мяч?

— Нет, — промолвил поэт, — он считает ее всего лишь шариком навоза.

Эзедин затаил дыхание, но в пределах слышимости не было никого из членов посольства, чтобы засвидетельствовать подобные речи.

— Должен заметить, я тоже о ней невысокого мнения, — прибавил Кит.

— А вас разве не накажут за подобные... заявления? — спросил доктор.

— Конечно, он рискует, — хмыкнул Ди. — Просто считает, что обрел бессмертие благодаря друзьям.

— О, люди без чувства юмора не настолько глупы, чтобы видеть во мне угрозу. Но если бы я им надоел, то сбежал бы с вами в Константинополь и поселился в серале.

— Сомневаюсь, что султан приветствовал бы такое вторжение. Или что ему понравилось бы ваше остроумие.

— Славный турок, я убежден, что ваш народ способен на большее. Я дам вам золотую монету из ваших же родных краев, если пригласите меня в Блистательную Порту, чтобы я сообщил султану следующее: как бог евреев, бог Рима и бог англичан, так и бог мусульман рождены из одной и той же грязи, имя которой — людское тщеславие. Я докажу каждому мужчине при дворе султана, да и гарему заодно, что говорю правду. Когда я уйду, никто из тамошних обитателей не потратит больше ни дня на что-нибудь иное, кроме табака, вина и сладострастия.

— Сперва отдайте монету — после такой лекции вы вряд ли сможете это сделать.

За неделю до отъезда в Константинополь доктор Эзедин, как обычно, после молитвы пришел в личные апартаменты посла, кивнул стражникам снаружи, дважды постучал, объявил о себе и сразу открыл дверь, не дожидаясь приглашения — настолько комфортно он себя чувствовал, действуя согласно общепринятым правилам.

Но если в предыдущие ночи посол был одет ко сну и ждал лишь снадобий, дарующих быстрый сон, да хотел поговорить с доктором о проблемах со здоровьем, то на этот раз он сидел за письменным столом, и единственная свеча, мерцая, озаряла часть его круглой безбородой физиономии и редкие каштановые волосы.

— Садитесь,— со вздохом велел он.

Доктор сел напротив посла, который не спешил говорить: он потер глаза, посмотрел в потолок, снова потер глаза.

— Вас что-то беспокоит? — спросил Эзедин.

Посол помолчал еще несколько тягостных мгновений, затем снова вздохнул, и слова хлынули из него неудержимым потоком.

— Вы совершили поразительную глупость. Теперь у меня нет другого выбора, кроме как ввязаться в эту

чушь. Это раздражает. Я считал вас более осторожным и более внимательным к моим потребностям.

— Не понимаю, каким образом я мог не выполнить свой долг перед вами.

— Мальчишка заявил вам, что Господь считает мир дерьмом.

— Откуда вы об этом узнали?

— И вы приняли его предложение заплатить вам за организацию визита ко двору, где он затем поведал бы свою ересь султану и удовлетворил потребности в султанском серале, перед этим заставив всех придворных предаться пьянству и похоти.

— О, нет-нет, все это было в шутку. В английском стиле.

— Шутка? Вы над ней смеялись? А он?

— У них шутят по-другому. Они говорят противоположное тому, во что верят.

— Он именно так поступил?

— По крайней мере, я — да.

— Так вы все это действительно сказали? Донесение правдивое? И вы ничего не сообщили Джаферу.

— Я забыл об этом, когда отчитывался,— слабым голосом ответил Эзедин, хотя отлично помнил момент, когда решил не рассказывать Джаферу ни о чем, кроме обсуждения трав и сексуальной репутации графа Эссекса.

Посол долго смотрел на подбородок Эзедеина, потом наконец глубоко вздохнул и сказал, почти улыбаясь:

— Вы знаете, что обладаете в Константинии определенными вещами, которых он желает.

— Вещами? Кто желает?

— Как же вы могли допустить такую ошибку... — Это был не вопрос. Это было сказано почти с жалостью, включая жалость к самому себе: — Он устроит скандал при дворе, когда мы вернемся домой. Ума не приложу, как вам уйти безнаказанным. Будут выдвинуты обвинения, и на них придется ответить; какой-нибудь визирь, который защищает и продвигает Джафера, будет назначен судьей; кого-то из вас накажут. И должен сказать вам, доктор, как человек, который вас уважает, который вам благодарен: Джафер в этом деле вас превосходит. Я сомневаюсь, что вам удастся одержать верх в формулировании своей позиции или привлечь внимание людей, которые смогут повлиять на султана.

Эзедин был ошеломлен потоком известий.

— Но я служил султану верой и правдой.

Посол посмотрел в потолок и сказал:

— Да, возможно.

Подтекст был ясен.

— Кто и чего желает? Я вас не понимаю.

— Вы действительно не понимаете?

Джафер пришел к нему домой, принял кофе и инжир от Саруки. Он восхищался ее изяществом, домом, садом. Он сказал, что сам убедил султана отправить доктора Махмуда Эзедина в Англию.

Карьера Эзедина как целителя совершенно не подготовила его к переломным моментам путешествий, к мимолетным определяющим возможностям, когда результат зависел от решения. В Константинополе, будучи врачом семьи турецкого султана, он вел комфортную жизнь и мог распознать симптом, по симптому — причину, по причине — лекарство, будь то трава, диета или что-нибудь астрологическое. Даже если случался

тяжелый и внезапный как землетрясение медицинский кризис — лихорадка, пустула, перелом, рана, — всегда можно было сперва начать какую-нибудь процедуру, нанести мазь. Но в ситуации иного рода, когда решения, от которых зависела жизнь, были политическими или личными, а не медицинскими, он мог защититься, лишь действуя наугад. Способность увидеть угрозу ослабела, притупилась или просто покинула его. Он даже не осознавал, что заразился, пока болезнь не стала почти смертельной.

Махмуд Эзедин попытался говорить отважно.

— Даже если он убьет меня, она свободная женщина. Она может отказать ему. Она не рабыня, которую можно отдать победителю.

— Конечно. Но давайте не будем тратить время впустую и еще сильнее портить вечер. У меня ноги болят.

Но реальность власти — область исследований, которую Эзедин игнорировал, даже когда извлекал из нее выгоду, — нельзя было отрицать бесконечно. Он понял, что подчинится ее непреложным законам, независимо от того, изучал ли он их или притворялся, что их не существует.

Много лет спустя доктор вспомнит эту сцену, и, наконец, станет бороться, требовать, просчитывать и разрабатывать стратегию. Но в тот момент Эзедин подетски испугался за свою жизнь, как будто она все еще имела ценность, и подумал, что лучше ничего не говорить; в конце концов, вернувшись мыслями в прошлое на несколько месяцев и постепенно осознав смысл услышанных слов и замеченных взглядов — все благодаря упоминанию о «вещах, которых он желает», — доктор спросил:

— Если вердикт султана окажется не в мою пользу, какую защиту вы можете предоставить моей жене и ребенку от Джафера? Они не должны принадлежать ему. Чтобы обеспечить их безопасность, я, возможно, могу предложить вам сейчас что-нибудь ценное. Все, что пожелаете.

Посол оценил стремление Эззедина побыстрее разобратся с последствиями.

— Я подумаю об этом. Но, доктор, займитесь сейчас же моими ногами — они болят.

До зависящего от ветра возвращения в Константинополь оставалось меньше недели, и посольство получило приглашение к королеве на торжество в честь третьей годовщины неудавшегося испанского завоевания. В помещении было жарко и душно, от каминов и факелов на потолке плясали узоры из теней и света — то языки, то демоны. Эзедин попытался встать у окна, поближе к толике прохладного воздуха и серого дневного света, но толпа, застенчивость и собственные заботы выпихнули его в заднюю часть Зала аудиенций. В это же самое время церемониймейстер скользил по комнате, подавая сигналы: прекратить песню, поскольку вот-вот начнется речь, а после нее из другого угла должна была зазвучать новая песня.

Эзедин, проведенный уже несколько месяцев в Лондоне, почти привык к этому холодному, темному королевскому двору детских размеров, пародии на богатство и пышность, ожидающие его дома. А вот музыку в некотором смысле полюбил. Он слушал, рассеянно размышляя, и в конце концов решил, что попросит ноты — заберет их с собой в Константинополь, если они написаны по той же системе, которой пользуются турецкие музыканты. Если в Константинополе доктора посадят за содеянное, за вежливую (и дипломатичную,

как он будет настаивать) терпимость к вероотступничеству иноземцев, если его выставят богохульником лишь потому, что Джафер бин Ибрагим возжелал жену Махмуда Эззедина, он, по крайней мере, вернется домой с чем-то ценным. Но нет, нет! Его не посадят в тюрьму, потому что бин Ибрагиму не поверят. Эзедин — слишком ценный слуга султанской семьи, бесспорно преданный и благочестивый человек. А может, его не посадят, потому что Джафер бин Ибрагим не удовлетворится временной мерой и настоит на казни, чтобы забрать собственность Махмуда Эззедина насовсем. Но посол защитит доктора. Он все объяснит султану. Ведь все упирается в лояльность, а в этом смысле Эзедин безупречен.

Посол улыбался, наблюдая за происходящим. Королева попросила пересказать историю ее обращения к своим войскам. Граф Эссекс поклонился и начал пафосную речь:

— Не мягкая женщина, но строгий монарх обратился к суровым мужчинам в Тилбери¹⁹, воинственным гласом призывая из горних...

И тут какой-то из менее знатных дворян протиснулся в первые ряды лордов и леди, которые переминались с ноги на ногу, скрывая усталость. Казалось, он нарочно привлекал к себе внимание, расталкивая всех, кто попался на пути, включая фаворита королевы посреди тирады.

— Негодяй, ты обезумел? — крикнул кто-то.

Рассмеялся паж. Какая-то графиня ударила спотыкающегося дворянина по пальцам, когда он потянулся к ней, а потом несчастный рухнул на пол, содрогаюсь всем телом. На его губах выступила пена, и он заговорил на

неизвестных языках. Какой-то великан позади толпы шагнул было навстречу суматохе, но его остановило легчайшее прикосновение женской руки.

Эссекс решил проигнорировать помеху и продолжил выступать — его чутье на политические жесты в нужный момент всегда оставляло желать лучшего. Вскоре его заглушили крики.

— Он одержим демоном! — громким шепотом заявила одна из фрейлин королевы, а другая мгновением позже выкрикнула те же самые слова, но как плохая актриса, неубедительно и без малейшего следа тревоги.

Эзедин наблюдал: лежащий на полу лорд был во власти конвульсий, его глаза закатились, подбородок увлажнился; королева следила за происходящим не шевелясь, хотя слегка наклонилась вперед на своем троне, чтобы лучше видеть. Эзедин мог бы спросить разрешения у своего посла, но ему такое не пришло в голову. Случись все иначе, возможно, он воссоединился бы со своей нежной женой и толстым сыном в доме на холме, вблизи от самого синего моря в целом свете. А еще его могли бы убить на французском корабле, возвращающемся в Константинополь (при прямом участии Джафера), или казнить за вероотступничество по возвращении (при косвенном участии Джафера), или... Эти вероятности не имеют значения: он не прожил иные жизни и не умер иной смертью. А все потому, что не обратился к послу за дозволением позаботиться о пораженном болезнью англичанине.

Когда доктор Эзедин — конечно, одетый как магометанин — склонился над бьющимся в конвульсиях английским лордом, в зале вряд ли нашелся бы человек, который не сжался внутренне от коллективной